

Обустройство России: вызовы и риски

КОМАРОВСКИЙ Владимир Савельевич – д. филос.н., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84; poiginalb@yandex.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Аннотация. В статье анализируются вызовы и риски формирования национально-государственной идентичности России; формируются принципы и подходы, которые позволяют адекватно отвечать на эти вызовы и минимизировать риски. Основное внимание уделяется проблеме выбора модели (вектора) идентификации, возможностям и ограничениям ее сознательного конструирования; изучению воздействия на процесс формирования идентичности национальных и культурных различий народов, проживающих в Российской Федерации; уровню социального расслоения населения.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, государство, культура, нация, цивилизация

Специалисты определяют состояние современного мира как «бытие на разломе». Традиции, обычаи, образ мыслей и действий, ценности и нормы – все то, что позволило человеку и обществу ориентироваться, объединяться, консолидироваться, идентифицироваться, отождествлять себя с себе подобными (или выделять среди других), пришли в движение, потеряли свою прежнюю устойчивость и определенность. Гигантские политические, социальные и информационные изменения, происшедшие на рубеже веков, заставили по-новому взглянуть и на многие проблемы и понятия, долгое время казавшиеся незыблемыми. К их числу, несомненно, относится и идентичность.

Как совершенно справедливо в этой связи заметил Зигмунд Бауман, вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование идентификации никогда не заканчивающейся, всегда завершенной, неоконченной, открытой в будущее – деятельность, в которую все мы по необходимости или сознательно вовлечены [Бауман 2002: 192].

Для России, которая немногим более двух десятков лет назад сменила вектор своего общественного развития, задача определения своей идентичности, вопросы: куда идем, какое общество строим, кто наши союзники, а кто соперники, что нам дорого, каковы наши ориентиры развития, как мы представляем свое будущее, – безусловно, одни из самых актуальных.

Многонациональный и многоконфессиональный состав населения России, увеличивающийся поток эмигрантов, смена поколений, гигантский разрыв между бедными и богатыми, наследие СССР многие другие факторы делают процесс национально-государственной идентификации России чрезвычайно сложным и актуальным. От того, как идентифицирует себя Россия, какой вектор развития она выберет, в конечном счете, зависят как ее отношения с другими странами и народами, так и внутривнутриполитическая, социальная и духовная жизнь страны, ибо именно макрополитическая идентификация определяет общий смысл жизни нации-государства, служит укреплению солидарности граждан, легитимности политического порядка, задает целостные координаты политических действий.

Идентификация, ясность ориентиров развития, модели будущего, помимо прочего, обладают огромной мобилизующей силой. Невольно вспоминается: «Мы наш, мы новый мир построим». И худо-бедно – строили. Каков же этот «наш новый мир» сегодня, что мы строим? И как?

Важность национально-государственной идентификации новой России политическое руководство страны осознало довольно быстро. Уже первый президент

России поручил группе интеллектуалов сформулировать национальную идею страны. Итог работы этой группы оказался никчемным, и другим он быть не мог. Никто не снимает с элиты задачи формирования национально-государственной идентичности, но, во-первых, не в отрыве от рядовых граждан. Задача элиты в данном случае — почувствовать, выразить, оформит массовые настроения, устремления, установки и т.д. (в т.ч. касающиеся прошлого и будущего), разглядеть, что в них соответствует требованию дня, и предложить приемлемые, не вызывающие отторжения ориентиры. Если элита оторвана от народа, она не способна решить эту задачу по определению. Во-вторых, элита — на то она и элита, чтобы не просто «идти вослед» массам, а видеть глубже, дальше, мыслить перспективно, масштабами будущего страны и мира, реалистично оценивать наличные ресурсы и возможности (а не только предлагать идеи и ориентиры, способные увлечь массы). Ельцинская элита на это не была способна. Ее видение будущего мира и место России в нем во многом укладывается в ставшее афоризмом выражение героя известного романа Ильфа и Петрова: «Запад нам поможет». Сегодня любому очевидно, как он это делает.

В-третьих, наивно было бы полагать, что «формулу» национально-государственной идентичности можно выработать в директивно определяемые сроки. Это длительный эволюционный процесс, и попытка его подстегнуть, «пришпорить» может привести к непредсказуемым результатам (впрочем, равно как и отсутствие желания или умения запустить процесс идентификации).

В-четвертых, чрезвычайно важен выбор механизма запуска процесса. Необходимы широкое обсуждение проблемы национально-государственной идентичности страны и поиск путей и средств ее формирования. К дискуссиям о ее сущности и содержании должны быть подключены все политические силы, представители самых различных слоев и групп населения, исключая, может быть, только маргиналов.

Смыслообразующие для нации элементы идентификации должны быть предметом достигнутого консенсуса. Только это и может обеспечить реальное, а не ситуативное единство и стабильность общества и государства.

В-пятых, необходимо постоянно иметь в виду, что в процесс идентификации включаются (хотим мы того или нет) внешние акторы — как определенные организованные структуры (различного рода иностранные фонды, международные общественные организации), так и выступающие в виде информационных и иных контактов отдельных лиц. Самый яркий пример того, к чему приводит игнорирование названных принципов формирования национально-государственной идентичности, — это кризис, фактически гражданская война на Украине. Несомненно, одна из самых весомых причин его — попытка кардинально переформатировать национально-государственную идентичность, не считаясь с волей и желанием большей части населения страны.

Переформатирование идентичности шло сразу по всем трем кластерам, характеризующим в совокупности содержание идентичности:

— «значимые они»: Россия из дружеского государства превращалась в исторического врага Украины («голодомор» и т.п.);

— переписывание прошлого (Бандера и Шухевич из пособников фашизма превращались в национальных героев);

— создание мифологического образа другого коллективного «мы», генетически и культурно не имеющего ничего общего с русским народом (Украина — не Россия).

Трудно представить себе, как эту конструкцию могут принять жители востока и юга Украины, говорящие в своем большинстве на русском языке и тесно связанные с российской историей и культурой, отцы и деды которых воевали с теми же Бандерой и Шухевичем.

Россия — не настолько расколота страна, как Украина, но и здесь неизбежно возникают риски идентификации, чреватые большими конфликтами, если не найдутся адекватные ответы на современные вызовы. Первый по значимости среди них — выбор главного вектора идентификации.

Одним из ответов на вызовы политической идентичности и идентификации

является ее формирование и развитие в рамках концепта «нация-государство» (политическая нация, гражданская нация – Ю. Хабермас, многонародная нация – И. Ильин, В. Тишков – применительно к России). При любом подходе политическая нация – это не государство и население государства – демос и даже не просто гражданское общество. Это еще и общность, скрепленная едиными культурно-ценностными узами, единой гражданской идентичностью.

Определенная ограниченность использования концепта «нация-государство» применительно к России связана с тем, что Россия уже не империя. Поэтому в ряде случаев (не империя, но еще и не политическая нация) более адекватным представляется анализ процессов идентичности (идентификации) в рамках теоретических конструкций макрополитической, национально-цивилизационной идентификации, который исходит из того, что в крупных региональных державах в постимперский период возникают серьезные проблемы в ходе формирования гражданской нации, во многом связанные с альтернативной Западу цивилизационной природой этих стран. Этот тип трансформации обусловлен возможностью компенсировать «недоформированность» национального государства за счет ресурсов культурно-цивилизационной консолидации, обладание которыми выступает ключевым отличительным признаком принадлежности к этому типу. В сфере политической самоидентификации формализм гражданской идентичности дополняется содержательной самоидентификацией с самобытной культурой и «традиционной» цивилизацией. Исходя из этого, общероссийская идентичность может формироваться как локалистская национально-цивилизационная (полиэтническая цивилизация), скрепленная русским культурным кодом¹.

Исторически «воображаемое сообщество», коллективное «мы» России формировалась как по модели нации-государства, так и особой цивилизации. При этом имперская и национальная идентичности не только не конкурировали, но и дополняли друг друга. Нечто аналогичное наблюдалось и в советский период российской истории. Формула: «советский народ как новая историческая общность» фактически совмещала две модели воображаемого сообщества – идея нации была интегрирована в матрицу цивилизационной идентичности при верховенстве марксистско-ленинской идеологии. Тем не менее гармония составляющей национально-государственной и цивилизационной моделей не была абсолютной. В разные периоды на передний план выходила то одна, то другая составляющая, что можно было наблюдать даже в короткий (по историческим меркам) постсоветский период. В настоящее время акцент сделан на цивилизационной составляющей идентификации, которая исходит из того, что Россия – это государство-цивилизация, подобно Китаю и Индии. Она занимает особое положение между Европой и Азией, являясь не только промежуточным географическим, но и политическим, социокультурным пространством, органичным образом соединяя в единое целое элементы европейской и азиатской культур, ценностей, политико-государственного и социального устройства. Россия – страна с тысячелетней историей, традициями и обычаями, образом жизни и ментальностью, заданными в т.ч. ее географией, природой и историей, особенностями национального характера и уклада жизни. Соответственно, Россия не может быть ни Западом, ни Востоком, копируя модели той или другой стороны. У России свой путь. В целом, что важно подчеркнуть, этот послы, согласно данным многих социологических исследований, принимается большинством российских граждан. Тем не менее остаются несколько проблемных моментов. Вот первый из них. Многие критики указывают, и не без оснований, что достаточной ясности, в чем заключается, состоит этот особый путь, ни у политической и интеллектуальной элиты, ни тем более у населения нет. Если употреблять терминологию экономистов, то сегодня «особый путь» – это не договор граждан и власти, а скорее декларация о намерениях. Автор статьи, тем не менее, не склонен драматизировать ситуацию по этому поводу. Нет сегодня – может появиться завтра. Оснований утверждать, что это в принципе тупиковый

¹ Путин В.В. 2012. Россия: национальный вопрос. – *Независимая газета*. 23.01. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (проверено 25.01.2015).

путь, нет. Опасность, риски заключаются скорее в другом. При всех разногласиях специалистов относительно сущности цивилизации есть единство в том, что главный смысл понятия цивилизации — это идея независимости, самодостаточности, уникальности. Нам уже приходилось и ранее отмечать, что самое уязвимое место в этой триаде применительно к России как самобытной, особой цивилизации — это самодостаточность [Политическая идентификация... 2010: 6-11]. По многим параметрам Россия действительно самодостаточна (территория, военная мощь, интеллектуальный потенциал населения). Но можно ли говорить о самодостаточности, если экономика страны в такой мере зависит от конъюнктуры цен на внешних рынках на энергоносители? Если внешние игроки буквально в течение двух-трех недель способны обвалить курс национальной валюты и вызвать потребительскую панику в стране? Большой вопрос.

Характерно, что президент России, выступая на ежегодной пресс-конференции в конце декабря прошлого года, в числе факторов, обеспечивающих в будущем рост российской экономики, в первую очередь называл общий подъем мировой экономики. Безусловно, хорошо, что Россия вписана в мировой экономический процесс. Но также безусловно и то, что в этом процессе Россия с ее двумя с небольшим процентами мирового ВВП не может быть ни дирижером, ни исполнять роль первой скрипки. И дело не только в экономике.

Для того чтобы России в полной мере возродиться как великой державе, стать одним из центров геополитического притяжения, жить и развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, диктуемой ее историей, культурой, менталитетом, ценностями, надо прежде всего решить немало и других внутренних проблем. Притязания на особую роль, статус великой державы требуют своего материального, духовного, интеллектуального и т.д. подтверждения. Чтобы быть самостоятельным центром притяжения, надо располагать привлекательными образцами, социальными институтами и технологиями решения проблем современного общества. Как отмечают специалисты, долгое, 500-летнее доминирование в мире (с XV по XX вв.) западной цивилизации объясняется в первую очередь тем, что она смогла освоить и предложить миру шесть инновационных социальных концептов: конкуренцию, трудовую этику, экономическое потребление, современную науку, современную медицину, правопорядок [Fergusson 2011].

В свое время СССР долгое время также был привлекательным образцом не только для стран третьего мира (поскольку показал, как можно быстро модернизировать страну за счет внутренних резервов, не попадая в зависимость от Запада), но и для определенных групп населения Запада, поскольку создал уникальную систему образования, здравоохранения, предвосхитил многие устои, на которых зиждется социальное государство западного типа. Сегодня Россия за редким исключением не располагает такого рода ноу-хау (социальными технологиями), не может продемонстрировать новые оригинальные способы решения актуальных для современного мира проблем.

Для страны, претендующей на роль самостоятельного центра силы, не менее важна и духовная составляющая. Быть центром притяжения для других стран и народов, проводить самостоятельную внешнюю политику не только почетно, но и накладно, поскольку за это нужно платить тем или иным образом. Готов ли на это идти российский народ? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Пока есть основания говорить, что российский народ готов терпеть те экономические невзгоды, которые связаны с санкциями Запада против России и неблагоприятной экономической конъюнктурой. Но по настоящему-то эти невзгоды основная масса населения еще только начинает ощущать. Что будет через пару лет, не спрогнозирует никто.

Сказанное, конечно же, не призыв «заземлиться», отказаться от высоких притязаний. Пафос статьи в другом — притязания должны быть подкреплены реальными делами, а не громогласными заявлениями о своем величии и уникальности. Если мы еще лет 20 будем призывать слезть с «нефтяной иглы», а реально так ничего и не сделаем (поскольку это трудно, бизнес в этом не заинтересован и т.д. и т.п.), то надо признаться себе и другим, что плыть мы можем только по течению, в общем

потоке, в том или другом, без притязаний на исключительность, самобытность и величие.

Следующим по значимости вызовом формирования общероссийской идентичности являются национализм и имущественное расслоение. Дело в том, что национально-государственная идентичность не является ни единственной, ни обязательно доминирующей в структуре идентификационных предпочтений населения, тем более отдельных его сегментов, территорий проживания. В политическую науку прочно вошло понятие многоуровневой, многосоставной идентичности (наряду с политической – этнокультурная, региональная, религиозная идентичности). Любая из социальных идентичностей при определенных обстоятельствах вторгается в политическую сферу, претендуя на ведущую роль. Регионы России в ряде случаев резко отличаются друг от друга по целому ряду параметров, имеющих основополагающее значение для формирования единой общероссийской идентичности: национальному составу населения, религии, уровню и образу жизни, типу социальных связей, обычаям и традициям. Немалая часть жителей национальных республик идентифицируют себя, прежде всего, как носителей определенного этнического начала [Жаде и др. 2010]. В последние годы оживились националистические настроения и среди русского населения страны, о чем, в частности, говорят демонстрации под лозунгом «Россия – для русских». Эти лозунги находят отклик у значимого сегмента русскоязычного населения. Особую остроту национальной проблеме придает тот факт, что довольно часто национальный фактор, национальные различия пересекаются с имущественными и регионально-поселенческими.

В 90-х гг. прошлого столетия известный российский ученый, академик Т. Заславская говорила о двух Россиях, живущих фактически в различных мирах. Ныне специалисты говорят уже о «четырех Россиях» [Зубаревич 2011]. Одна из этих «четырех России» – это республики Северного Кавказа и Юга Сибири. Здесь национальные, религиозные, социальные, имущественные различия с остальной Россией столь велики, что даже общий вектор развития этих республик резко отклонился в сторону. Обратимся по этому поводу к выводам специалистов Северо-Кавказского государственного университета, для которых эта проблематика близка как никому другому.

«На Северном Кавказе в результате демодернизационных процессов постсоветского времени возник глубокий социокультурный раскол на сохраняющие модернизационные устремления “русские” края и области и все более архаизирующуюся часть региона – “национальные” республики Северного Кавказа.

Архаизация региона <...> возродила многие, казалось бы, уже начавшие уходить в прошлое социальные институты, такие как этноклань. Резко возросла роль религии в жизни северокавказского социума... Этничность из сферы идентичности устойчиво проникала во все сферы жизни общества, превратившись в важнейший социально-политический институт на Северном Кавказе. Произошла политизация этничности, что во многом объясняет тенденцию роста национализма на фоне снижения остроты сепаратизма» [Российская... 2014: 69-70].

Как убедительно показал профессор В.А. Ачкасов в своем докладе «Этнополитический конфликт как конфликт идентичности» на Всероссийской научной конференции РАПН (ноябрь 2014 г., г. Москва), чрезмерное «педальирование» значимости этнических различий не только не способствует консолидации общества в целом, но и приводит к формированию замкнутых на себя групп. Конструирование на этой основе негативных идентичностей становится реальным основанием отчуждения групп друг от друга и возникновения этнополитических конфликтов. Вполне понятно, что решение проблем «четвертой России» требует реализации целого комплекса мер, обсуждение которых (экономических, к примеру) далеко выходит за рамки данной статьи, за исключением мер одного рода, связанных с разработкой и реализацией культурной политики. Как, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает глава Дагестана Рамазан Абдулатипов, «в нынешних условиях состояние культуры страны и культурной идентичности граждан – это еще и вопрос суверенитета России как государства, нации». И одновременно он отмечает разрыхление общего культурного пространства страны,

ослабление русского культурного кода, работы по культурной интеграции регионов и народов страны, что приводит к неопределенности культурной идентичности граждан и ослаблению культурного суверенитета государства¹.

Второй проблемный момент касается того, что такое русский культурный код. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной президентом в декабре 2012 г., употребляется другой термин — «российская культура». Чрезмерное акцентирование русского начала в культуре страны (даже если к русским относить человека любой национальности, считающего себя таковым, говорящим и думающим на русском языке), как это записано в Декларации XVIII Всемирного русского собора, может вызвать негативную реакцию у представителей других народов, особенно если подчеркивается исключительно связь этой культуры с православным христианством.

Следует исходить из того, что в идеале русская культура является таковой скорее по форме, языку. В своем содержании она отражает многовековой опыт сотворчества всех народов страны. Немало подтверждений этому прозвучало на X Международном мусульманском форуме (Москва, 10–12 декабря 2014 г.), на котором представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культуры и формированию национально-государственной идентичности страны. Это, конечно, не означает, что проблему взаимоотношений культур и конфессий народов России можно снять с повестки дня и не учитывать их разнонаправленное в ряде случаев воздействие на формирование общероссийской идентичности. Эта проблема стоит не только перед Россией, но даже перед таким унитарным государством, как Франция, равно как и перед многими другими государствами мира [Тишков 2012].

Большое негативное воздействие на формирование общероссийской идентичности оказывает чрезмерное социальное расслоение. По официальным данным Росстата доходы 10% самых бедных и самых богатых россиян разнятся в 15–16 раз, а по неофициальным данным — в 25–30 раз. Для сравнения: в Скандинавских странах разница составляет 3–4 раза, в Великобритании 6–7. Вот как в свое время комментировали эту ситуацию специалисты Института социологии РАН: «...в многих европейских странах, если подобная цифра зашкаливает за отметку “8”, собирается чрезвычайная сессия парламента и обсуждает, как сблизить края “зияющей раны” и притушить назревающий социальный конфликт. В России все спокойно. Для наших политиков ничего экстраординарного в таких цифрах нет. Почему? А потому, что взрыв действительно не происходит. Дело в том, что каждая социальная страта российского общества научилась жить своей внутренней жизнью, не обращая на остальных внимания» [Свобода... 2007: 12]. Но если каждая страта живет сама по себе, не обращая внимания на других, о каком ощущении себя частью целого единого общества и государства может идти речь? В подготовленном позже докладе специалисты этого института отмечают, что нынешняя система представляется большинству несправедливой, поскольку не обеспечивает социальные права граждан, заявленные в Конституции, допускает возможность чрезмерного уровня неравенства, доходов между богатыми и бедными; не обеспечивает реально равных стартовых возможностей, что ведет к утрате чувства личной связи с государством, нарастающему отчуждению, атомизации российского общества, размытию важнейшие консолидирующие, атомусные для всех слоев и групп начала — справедливость и восприятие государства как общего дела [Горшков, Тихонова 2013].

В заключение следует особо подчеркнуть, что разрывы материального и социального положения формируют отличающиеся образы и стили жизни, что согласно новейшим разработкам теории социологии жизни (в трактовке ряда авторов «Социологии повседневной жизни») является решающим фактором консолидации групп, общин и общества в целом, формирования атмосферы доверия, соучастия и солидарности [Штомпка 2012: 38]. В конечном счете, эти разрывы и сформировали «четыре России», о которых упоминалось выше, со всеми вытекающими отсюда

¹ Абдулатипов Р. 2014. Культурный код многонациональной России. — *Известия*. 17.12. Доступ: <http://izvestia.ru/news/580931> (проверено 25.12.2015).

рисками и угрозами национально-государственной идентичности. Последний из наиболее значимых вызовов российской национально-государственной идентичности связан с глобализацией. Сегодня уже никого не надо убеждать, что глобализация как несет для любой страны риски и угрозы, так и открывает новые возможности. В ракурсе задач данной статьи глобализация и связанная с ней открытость миру позволяет стране включиться в процесс формирования глобальной этики, освоения культурных и иных достижений других стран и народов и т.д.

Одновременно новые коммуникационные технологии, преодолевающие национальные границы, открывают возможности целенаправленного воздействия на процессы национально-государственной идентичности и переформатирования в желательном для иностранного актора направлении. И, что еще более важно в интересующем нас плане: доступность продуктов материальной и духовной культуры других стран (прежде всего, западных) для достаточно широких слоев населения. Контакты и общение не только удовлетворяют определенные потребности населения, но и формируют в значительной мере соответствующее отношение к миру, ценностям и образу жизни [Ратников 2014]. Лидер КПРФ Геннадий Зюганов назвал недавно россиян «нацией победителей». Ему возразили: Зюганов не заметил, как нация победителей превратилась в нацию потребителей. И определенные основания для такого рода возражений имеются. Влияние Запада на формирование потребительских настроений россиян очевидно. А это, пусть и не всегда прямым образом, влияет на формирование идентичности россиян. Сейчас стало модным напоминать, что кризисы, вызовы в китайском языке обозначаются двумя иероглифами — как угроза и как возможность. И какая из двух констатаций вызова идентичности станет ведущей, зависит от нас самих.

Список литературы

- Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. 2013. Мечты россиян и реальность демоскопии. — *Полис (Политические исследования)*. № 5. С. 7-26.
- Жаде З.А., Куква Е.С., Ляшова С.А., Шадже А.Ю. 2010. *Российская идентичность на Северном Кавказе*. — М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество». 247 с.
- Зубаревич Н. 2011. Четыре России. — *Ведомости*. 30.12. Доступ: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (проверено 25.01.2015).
- Политическая идентификация России: состояние, проблемы, перспективы*. 2010. М.: 53 с.
- Ратников В.П. 2014. Некоторые проблемы кросс-культурных номинаций в эпоху глобализации. — *Вопросы национальной идентичности в контексте глобализации* (под ред. А.Н. Чумакова). 2014. М.: Проспект. 144 с.
- Российская цивилизация: в поиске новой идентичности*: коллективная монография. 2014. Ставрополь: 199 с.
- Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России* (под ред. М.К. Горшкова). 2007. М.: Российская газета. 444 с.
- Тишков В.А. 2012. О главных акторах цивилизационного диалога. Культурное и языковое разнообразие современных наций. — *Полис (Политические исследования)*. № 5. С. 77-85.
- Штомпка П. 2012. *Доверие — основа общества*. М.: Логос. 445 с.
- Ferguson W. 2011. *Civilization: The West and the Rest*. N.Y. 320 p.

FORMATION OF THE NATIONAL-STATE IDENTITY OF RUSSIA: CHALLENGES AND RISKS

Abstract. *The article analyzes the challenges and risks of formation of the national-state identity of Russia. The author forms the principles and approaches that allow responding adequately to challenges and minimizing risks. The special focus is on the problem of the choice of the model (vector) of identification, on capabilities and limitations of its conscious design, on the impact of formation of national identity and cultural differences of peoples, who live in the Russian Federation, and on social stratification in the society.*

Keywords: *identity, identification, government, culture, nation, civilization*

УДК 327

АСОНОВ Николай Васильевич – д.полит.н., к.и.н, действительный член АПН; профессор кафедры политологии и социологии Московского педагогического государственного университета (119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1; nbassonov@yandex.ru)

ЛАЗАРЕВ Михаил Васильевич – д.полит.н, советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; mlazarev@yandex.ru)

КУРС НА КОНСЕРВАТИЗМ – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ, А НЕ ПРИХОТЬ ВЛАСТИ

Аннотация. *В статье раскрывается характер противоположных ценностно-целевых приоритетов современного мирового сообщества и России, которые не позволяют им установить союзные отношения, поскольку они порождены разными цивилизационными культурами. Поэтому Россия, чтобы выжить и успешно развиваться, должна ориентироваться на консервативные начала управления, доказавшие свою эффективность, но обязательно учитывать реалии времени и ее настоящее положение в мире.*

Ключевые слова: *Россия, власть, консерватизм, либерализм, цивилизация*

Системный кризис, вызванный реформами М.С. Горбачева и повлекший за собой небывалый упадок России, которого она не знала за всю свою историю, привел к обрушению не только материальной сферы, но и духовно-нравственных основ ее жизни.

Как справедливо отметил В.И. Якунин, западные истины 200-летней давности, заложенные в основу современного государственного строительства, где доминирует смитовский «человек экономический» и модель конкурентных отношений в виде войны всех против всех, на практике приводят к «обслуживанию интересов самых конкурентоспособных. И тогда государство превращается в лоббистский, узкокорпоративный фонд». В этом отражается «современная фундаменталистская неолиберальная модель, в которой конкуренция противопоставлена кооперации» [Якунин 2011: 95].

На этот же аспект как на одно из ключевых звеньев в цепи сложившихся противоречий на российской почве обратил внимание в 2013 г. и президент В.В. Путин. Он указал на сложившуюся угрозу традиционным ценностям, без которых наше государство и общество обречены на деградацию. Поэтому нужно вернуться к ним, понять их и на базе этих ценностей двигаться вперед¹. То что эти ценности носят глубокий исторический характер и во многом связаны с крещением Руси, он подчеркнул в последнем программном послании Федеральному Собранию, указав на важность реформ, проведенных Владимиром Святым². По сути дела, поддержка

¹ См.: Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12.12.2013. Доступ: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1166461>

² См.: Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 04.12.2014. 2014. – *Российская газета*. № 278(6550). 5 дек.